

Предисловіе къ третьему изданію.

Русскій переводъ брошюры Энгельса: „Развитіе научнаго социализма“ выходитъ теперь третьимъ изданіемъ. Второе вышло въ 1892 г. Въ то время въ международной социалистической литературѣ еще не высказывалось мнѣній, согласно которымъ социалистическая теорія вообще не можетъ называться научной. Теперь такіа мнѣнія высказываются очень громко и не остаются безъ вліянія на нѣкоторую часть читателей. Поэтому мы считаемъ своевременнымъ разсмотрѣть здѣсь вопросъ о томъ, что такое научный социализмъ и чѣмъ онъ отличается отъ утопическаго.

Но сначала послушаемъ одного изъ гг. „критиковъ“.

Въ рефератѣ, прочитанномъ 17-го мая 1901 г. въ „Берлинскомъ студенческомъ союзѣ для изученія общественной науки“ (Sozialwissenschaftlicher Studentenverein zu Berlin), г. Бернштейнъ поставилъ передъ собою тотъ же самый вопросъ, хотя иначе формулированный: „Возможенъ ли научный социализмъ?“ (Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich?) Въ результатъ своего изслѣдованія онъ пришелъ къ отрицательному отвѣту. По его словамъ, никакой „измъ“ не можетъ быть наукой: „измъ“ обозначается міросозерцаніемъ, тенденціею, системою мыслей или требованіемъ, а вовсе не наука. Основа всякой истинной науки есть опытъ, она строитъ свое зданіе на накопленномъ знаніи. Социализмъ же есть ученіе о будущемъ общественномъ порядкѣ, и именно поэтому его наиболѣе характерная черта не можетъ быть установлена научно¹⁾.

Такъ ли это? Посмотримъ.

Прежде всего поговоримъ объ отношеніи между „измами“ и наукой. Если г. Бернштейнъ правъ, говоря, что никакой „измъ“ наукой быть не можетъ, то ясно, что, напримѣръ, дарвинизмъ тоже не „наука“. Допустимъ это. Но что же такое дарвинизмъ? Если мы захотимъ остаться вѣрны теоріи г. Бернштейна, то мы должны будемъ отнести это ученіе къ числу „системъ мыслей“. Но развѣ система мыслей не можетъ быть наукой и развѣ наука не есть система мыслей? Г. Бернштейнъ, очевидно, думаетъ, что — нѣтъ. Но онъ такъ думаетъ просто по недоразумѣнію, просто потому, что въ его собственной

¹⁾ Ed. Bernstein, Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich? Berlin 1901, s. 35.

„системѣ мыслей“ царствуетъ изумительный, страшный безпорядокъ.

Что наука строить свое здание на основѣ опыта, это извѣстно теперь каждому толковому школьнику. Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Онъ состоитъ въ томъ, что же именно строить наука на основѣ опыта? А на это возможенъ только одинъ отвѣтъ: на основѣ опыта наука строить извѣстныя обобщенія („системы мыслей“), которыя въ свою очередь ложатся въ основу извѣстнаго предвидѣнія явленій. Но предвидѣніе относится къ будущему времени. Поэтому далеко не всякое соображеніе о будущемъ лишено научной основы.

И что это за выводъ: социализмъ есть міросозерцаніе, поэтому онъ не наученъ? Г. Бернштейну онъ кажется, повидимому, неоспоримымъ. Но для того, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ таковымъ, нужно было бы сначала доказать, что *никакое ни чье міросозерцаніе не можетъ быть научнымъ*. Г. Бернштейнъ не сдѣлалъ и никогда не сдѣлаетъ этого, поэтому мы возражаемъ ему: *parlez pour vous cher monsieur!*

Далѣе. *Тенденція не есть наука. Но наука можетъ открывать и ежедневно открываетъ тенденціи*, свойственныя изучаемымъ ею явленіямъ. А научный социализмъ, именно констатируетъ извѣстную тенденцію, (тенденцію къ социальной революціи) *существующую въ нынѣшнемъ, капиталистическомъ обществѣ*; ученіемъ о будущемъ общественномъ порядкѣ социализмъ былъ тогда, когда онъ еще не вышелъ изъ *утопической* фазы.

Нужно быть Бернштейномъ, чтобы вообразить, что наука не есть „система мыслей“. Это по истинѣ чудовищно. Наука именно и есть знаніе, приведенное въ систему. Бернштейнъ, по своему обыкновенію, путается. Онъ слышалъ о появленіи въ современномъ естествознаніи „тенденціи“ совсѣмъ освободить науку отъ *гипотезъ* и рѣшилъ, что наука не имѣетъ ничего общаго ни съ какими „системами мыслей“. На самомъ дѣлѣ, неосновательна и та научная „тенденція“, которая привела г. Бернштейна къ его чудовищному тезису. Геккель совершенно правъ, когда критикуя эту ошибочную „тенденцію“ говоритъ: *Ohne Hypothese ist Erkenntnis nicht möglich. (Die Lebenswunder, Stuttgart 1904, s. 97.)*

Если справедлива та мысль, что настоящее беременно будущимъ, то научное изученіе настоящаго должно дать намъ возможность предвидѣть нѣкоторыя будущія явленія—въ интересующемъ насъ случаѣ: социализацію средствъ производства—не на основаніи какихъ нибудь таинственныхъ пророчествъ или какихъ нибудь произвольныхъ и отвлеченныхъ разсужденій, а именно на основаніи „опыта“, на основаніи знаній, накопленныхъ наукой.

Если бы г. Бернштейнъ хотѣлъ серьезно вдуматься въ поставленный имъ себѣ вопросъ о возможности научнаго социализма, то онъ долженъ былъ бы прежде всего рѣшить, справедлива, или

не справедлива указанная нами мысль въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ. Самое непродолжительное размышленіе показало бы ему, что въ этомъ случаѣ она не менѣе справедлива, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Убѣдившись въ этомъ, ему надо было разсмотрѣть, обладаетъ ли современная общественная наука такимъ запасомъ свѣдѣній о нынѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, пользуясь которыми она была бы въ состояніи предвидѣть предстоящую замѣну этихъ отношеній иными—капиталистическаго способа производства социалистическимъ. Если бы онъ увидѣлъ, что такого запаса нѣтъ и никогда не будетъ, то вопросъ о возможности научнаго социализма самъ собою рѣшился бы въ отрицательномъ смыслѣ. А если бы г. Бернштейнъ убѣдился въ томъ, что такой запасъ или уже существуетъ, или можетъ быть накопленъ современнымъ, то онъ неизбѣжно пришелъ бы къ положительному рѣшенію названнаго вопроса. Но какъ бы онъ ни рѣшалъ этотъ вопросъ, ему хорошо выяснилось бы тогда то, что, — благодаря ошибочному приему изслѣдованія, — до сихъ поръ остается у него въ туманѣ нескладной и непродуманной „системы мыслей“. Онъ увидѣлъ бы, что невозможность существованія научнаго социализма можетъ быть доказана только въ томъ случаѣ, если станетъ очевидной невозможность научнаго предвидѣнія общественныхъ явленій, т. е. что до рѣшенія вопроса о возможности научнаго социализма надо предварительно рѣшить вопросъ о возможности социальной науки вообще. А увидѣвъ это, г. Бернштейнъ увидѣлъ бы, можетъ быть, и то, что взятый имъ предметъ представляетъ собою „дистанцію огромнаго размѣра“, и что для его выясненія не много сдѣлаетъ тотъ, кто не имѣетъ другихъ средствъ анализа, кромѣ безтолковаго противоположенія науки „измамъ“, опыта „системамъ мыслей“.

Впрочемъ, мы несправедливы къ нашему автору. Имѣющіяся у него средства анализа не ограничиваются такимъ противоположеніемъ. Вотъ, наприм., на стр. 33-34 его реферата мы встрѣчаемъ еще ту мысль, что наука не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ познанія, между тѣмъ, какъ „политическая и социальная доктрины“ стремятся разрѣшить извѣстныя практическія задачи. Во время споровъ, которыми сопровождалось чтеніе реферата г. Бернштейна, кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ ему по поводу этой мысли, что медицина задается практической цѣлью лѣченія, а между тѣмъ она должна быть признана наукой. На это нашъ референтъ отвѣтилъ, что лѣченіе есть задача медицинскаго искусства, которое во всякомъ случаѣ предполагаетъ основательное знаніе медицинской науки; но медицинская наука сама по себѣ стремится не къ лѣченію, а къ изученію средствъ и условій лѣченія. Къ этому г. Бернштейнъ прибавляетъ, что „если мы возмемъ это различіе понятій за типическій образецъ (als typisches Muster), то мы безъ труда опредѣлимъ въ самыхъ сложныхъ

случаяхъ, гдѣ кончается наука и гдѣ начинается искусство или доктрина¹⁾.

Мы беремъ за „образецъ“ рекомендуемое г. Бернштейномъ „различіе понятій“ и рассуждаемъ такъ: въ социализмъ, какъ и въ медицину, надо различать двѣ стороны: науку и искусство. Социализмъ, какъ наука, изучаетъ средства и условія социалистической революціи, а социализмъ, какъ „доктрина“ или какъ политическое искусство, стремится совершить названный переворотъ, опираясь на приобретенное знаніе. И мы прибавляемъ, что если г. Бернштейнъ возьметъ за „типическій образецъ“ различіе, сдѣланное нами по его же примѣру, то онъ безъ труда пойметъ, гдѣ именно кончается въ социалистической системѣ наука, и гдѣ начинается доктрина или искусство.

Робертъ Оуэнъ, обращаясь къ „британской публикѣ“ въ одномъ изъ воззваній, служащихъ предисловіемъ къ его книгѣ „New views of society or Essays upon the formation of human character“ (Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи человѣческаго характера), говоритъ:

„Я обращаюсь къ вамъ, друзья и соотечественники, потому что ваши величайшіе и важнѣйшіе интересы тѣсно связаны съ предметами, разсматриваемыми въ предлагаемыхъ опытахъ. Вы найдете въ нихъ описаніе существующихъ золъ и предложеніе средствъ ихъ исцѣленія... Благоустройство измѣненія требуютъ основательно обдуманнаго и хорошо составленнаго плановъ... Однако, большимъ успѣхомъ является уже указаніе причины зла. Ближайшимъ послѣ этого шагомъ должно быть отысканіе лѣкарства... Дѣломъ моей жизни было именно его отысканіе и его практическое испытаніе; и такъ какъ я нашелъ такое лѣкарство, которое, какъ показываетъ опытъ, совершенно надежно въ своемъ примѣненіи и совершенно несомнѣнно по своему дѣйствию, то я имѣю теперь сильное желаніе дать вамъ воспользоваться его благоустройствами. Но будьте увѣрены въ томъ, что принципы, на которыхъ основывается этотъ „новый взглядъ на общество“, вѣрны, что за ними не скрывается никакой ошибки и что къ ихъ обнаруженію подвинули меня совершенно чистыя побужденія“ и т. д.²⁾

Эти слова даютъ намъ полную возможность анализировать ходъ мысли великаго англійскаго социалиста съ точки зрѣнія

¹⁾ Ibid., s. 34, примѣчаніе.

²⁾ Не имѣя подъ руками англійскаго подлинника, мы цитируемъ по нѣмецкому переводу профессора Освальда Колльмана, вышедшему въ Лейпцигѣ въ 1900 г. подъ заглавіемъ: Eine neue Auffassung der Gesellschaft. Vier Aufsätze über die Bildung des menschlichen Charakters als Einleitung zu der Entwicklung eines Planes, die Lage der Menschheit allmählich zu verbessern. Цитированное нами мѣсто находится на стр. 6.

предлагаемаго г. Бернштейномъ „различіе понятій“: ясно, что Р. Оуэнъ началъ съ изученія существующихъ золъ и съ обнаруженія ихъ причины. Эта часть его работы соответствуетъ тому, что въ медицинѣ называется этиологіей. Затѣмъ онъ перешелъ къ изученію средствъ и условій лѣченія интересовавшей его общественной болѣзни. Найдя лѣкарство, показавшееся ему очень дѣйствительнымъ, онъ сталъ подвергать его практическому испытанію. Это можно назвать его терапевтикой. Только послѣ того, какъ его опыты дали вполне удовлетворительные результаты, онъ рѣшился предложить его всей „британской публикѣ“, т. е. другими словами, взялся за медицинскую практику. Прежде онъ занимался медицинской наукой, теперь онъ сталъ практиковать медицинское искусство. Тутъ — полная параллель, и разъ г. Бернштейнъ допускаетъ возможность существованія науки медицины, то онъ долженъ, — разумѣется, въ томъ только случаѣ, если онъ хочетъ остаться вѣрнымъ своему собственному „различію понятій“ — признать также и возможность существованія науки социализма. Тотъ же самый ходъ изслѣдованія, который мы подмѣтили у Роберта Оуэна на основаніи его собственныхъ словъ, легко можетъ быть подмѣченъ и у современныхъ ему французскихъ социалистовъ. Для примѣра укажемъ хоть на Фурье. Онъ говорилъ, что онъ принесъ людямъ искусство быть богатыми и счастливыми. Эта часть его доктрины соответствуетъ врачебному искусству. Но на чемъ основывалъ онъ эту практическую часть своего ученія? На законахъ нравственнаго притяженія, которые, по его словамъ, оставались неизвѣстными людямъ, пока онъ не открылъ ихъ, наконецъ, послѣ долгаго и внимательнаго изслѣдованія. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ искусствомъ, а съ теоріей, съ „приведеннымъ въ систему знаніемъ“, т. е. съ наукой. И Фурье настойчиво повторялъ, что его искусство основывается на его научныхъ открытіяхъ¹⁾. Само собою разумѣется, что г. Бернштейнъ ни мало не обязанъ придавать этимъ открытіямъ такое же большое значеніе, какое они имѣли въ глазахъ самого Фурье или его школы. Но это не измѣняетъ дѣла. Г. Бернштейнъ, конечно, не считаетъ себя обязаннымъ вѣрить въ безошибочность всѣхъ медицинскихъ теорій нашего времени; но это не помѣшало ему придти къ убѣжденію въ томъ, что иное дѣло медицинское искусство, а иное дѣло медицинская наука, и что существованіе медицинскаго искусства не только

¹⁾ См. напримѣръ, Manuscr. de Fourier, Paris 1851, p. 4, гдѣ онъ сравниваетъ себя съ Кеплеромъ и Ньютономъ. Ср. также любое изъ тѣхъ изложеній его ученія, которыя были сдѣланы его послѣдователями. Въ каждомъ изъ нихъ практическіе планы общественнаго переустройства опираются на теоретическія открытія Фурье.

не исключает существованія медицинской науки, но наоборотъ, предполагаетъ его, какъ свое необходимое условіе. Почему, въ социализмъ невозможно такое же соотношеніе между искусствомъ и наукой? Почему существованіе социализма, какъ социально-политической „доктрины“, исключаетъ существованіе социализма, какъ науки?

На эти вопросы г. Бернштейнъ ничего не отвѣчаетъ. А пока онъ не отвѣтитъ на нихъ, предложенное имъ „различіе понятій“ будетъ не подтверждать, а опровергать его мысль о невозможности научнаго социализма. А отвѣтитъ на нихъ онъ не можетъ по той простой причинѣ, что ему на нихъ нечего отвѣтить. Разумѣется, можно и должно было бы усомниться въ теоретической правомѣрности сравненія медицинскаго искусства съ социализмомъ. Но именно въ этомъ-то намъ авторъ и не усомнился, да и не могъ усомниться, такъ какъ его точка зрѣнія на общественную жизнь ничуть не исключаетъ подобныхъ сравненій.

Итакъ, предложенное г. Бернштейномъ „различіе понятій“ не только не убѣдило насъ въ невозможности научнаго социализма, но, напротивъ, предрасположило насъ къ принятію той мысли, что даже социализмъ Р. Оуэна, Фурье и другихъ *утопистовъ* былъ, по крайней мѣрѣ отчасти, на чинимъ социализмомъ. Вслѣдствіе этого намъ становится неяснымъ то „различіе понятій“, въ силу котораго мы до сихъ поръ полагали, что социалистическая теорія Маркса-Энгельса сдѣлала эпоху въ исторіи социализма. Да и не однимъ намъ неясно это „различіе“. У г. Бернштейна тоже выходитъ, что хотя ученіе Маркса-Энгельса заключаетъ въ себѣ гораздо больше научнаго элемента, чѣмъ ученія Фурье, Оуэна и Сен-Симона, но и оно, подобно имъ, хотя и въ меньшей степени, заключаетъ въ себѣ, рядомъ съ элементами науки, также и элементы утопии, а потому и различіе между ними имѣетъ скорѣе *количественный* нежели *качественный* характеръ¹⁾. Въ рефератѣ г. Бернштейна такое мнѣніе вполне естественно: если научный социализмъ вообще невозможенъ, то очевидно, что и марксизмъ есть одинъ изъ ненаучныхъ „измовъ“, которымъ свойственна большая или меньшая примѣсь утопіи. Но такъ какъ убѣжденіе г. Бернштейна въ невозможности научнаго социализма основывается на такихъ посылкахъ, которыя, будучи правильно истолкованы, приводятъ къ диаметрально противоположнымъ заключеніямъ, т. е. заставляютъ насъ признать, что научный социализмъ, — подобно научной медицинѣ, — вполне возможенъ. то мы, не желая окончательно запутаться въ логическихъ противорѣчійхъ г. „критика“, покидаемъ сотканную имъ нить разсужденій и, въ свою очередь, спрашиваемъ себя: да чѣмъ же, наконецъ, отличается научный социализмъ отъ утопическаго?

¹⁾ Объ этомъ см. въ особенности стр. 21, 22, 28, 29, 30.

Чтобы отвѣтить на это, надо опредѣлить отличительные признаки обоихъ видовъ социализма.

На страницѣ 14 предлагаемой брошюры, Энгельсъ говоритъ: „Міросозерцаніе утопистовъ долго господствовало надъ социалистическими воззрѣніями XIX вѣка и, отчасти, господствуетъ еще понынѣ... Его держались всѣ англійскіе и, до недавняго времени, всѣ французскіе социалисты, а также прежніе нѣмецкіе коммунисты, не исключая Вейтлинга. Социализмъ, въ ихъ представленіи, есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственной силой покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта“.

По поводу этого мѣста г. Бернштейнъ упрекаетъ Энгельса въ преувеличеніи: „я не могу согласиться съ нимъ, — замѣчаетъ онъ, — когда онъ говоритъ, что по ихъ (социалистовъ-утопистовъ) мнѣнію время и мѣсто открытія найденныхъ имъ истинъ было дѣломъ независимой отъ историческаго развитія случайности. Будучи высказано въ такой общей формѣ это положеніе невѣрно изображаетъ ихъ взглядъ на исторію.“²⁾

Если бы г. Бернштейнъ далъ себѣ трудъ получше ознакомиться съ литературой утопическаго социализма и поглубже вдуматься въ основныя историческіе взгляды социалистовъ-утопистовъ, то онъ и самъ увидѣлъ бы, что въ словахъ Энгельса нѣтъ и самаго малѣйшаго тѣни преувеличенія.

Фурье былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что ему удалось открыть законы нравственнаго таготѣнія; но онъ никогда не умѣлъ взглянуть на свою теорію, какъ на плодъ общественнаго развитія Франціи. Онъ самъ не разъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя, почему люди не пришли нѣсколькими столѣтіями или даже тысячелѣтіями раньше къ тѣмъ открытіямъ, которыя ему удалось, наконецъ, сдѣлать. И онъ могъ себѣ отвѣтить только ссылкой на ослѣпленіе людей, да на силу случайности. По этому поводу онъ даже написалъ очень характерное разсужденіе о „тираніи случая“, гдѣ онъ доказываетъ, что „эта колоссальная и презрѣнная сила почти всецѣло обуславливаетъ собою всѣ открытія.“²⁾ По его словамъ, онъ самъ принесъ ей большую дань въ своемъ „открытіи расчета притяженія“ (dans la decouverte du calcul de l'attraction). Его, какъ и Ньютона, натолкнуло на его мысль яблоко. „За это, достойное вниманности, яблоко заплатилъ 14 су одинъ путешественникъ, обѣ-

¹⁾ Ibid., s. 30, примѣчаніе.

²⁾ Les manuscrits de Fourier, p. 14 Cp. также Oeuvres complètes, t. 4, Paris 1841, 3, 4, 5.

давший со мной въ Парижѣ въ ресторанѣ Февріе. Я только что пріѣхалъ изъ мѣстности, въ которой такія же и даже лучшія яблоки продавались по полъ-ліарда, т. е. менѣе четырнадцати су за сотню. Эта разниа цѣнъ въ двухъ мѣстностяхъ одинаковаго климата поразила меня очень сильно и навела на мысль о томъ, что въ промышленномъ механизмѣ есть коренной недостатокъ; отсюда возникли тѣ изслѣдованія, которыя по простествіи четырехъ лѣтъ привели меня къ открытію теоріи серій промышленныя группъ, а послѣ того и законовъ всеобщаго движенія, не замѣченныхъ Ньютономъ... Впослѣдствіи я нашелъ, что можно насчитать четыре яблока, изъ которыхъ два прославились причиненными ими несчастіями (яблоко Адама и яблоко Париса), а другія два сдѣлались знаменитыми благодаря тому, что обогатили науку. Не заслуживаетъ ли особой страницы въ исторіи эта четверка знаменитыхъ яблокъ?¹⁾

Это, кажется, уже и само по себѣ довольно выразительно. Но это еще не все. Въ теоріи Фурье случай играетъ еще болѣе широкую роль, чѣмъ та которую ему можно отвести на основаніи наивныхъ мыслей о четырехъ знаменитыхъ яблокахъ: случаемъ опредѣляется въ этой теоріи все историческое развитіе человѣческихъ взглядовъ и вся судьба человѣческихъ предрасудковъ. Если люди такъ долго упорствовали въ своемъ восхищеніи передъ цивилизаціей, — говоритъ Фурье, — то это произошло потому, что никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона и не сдѣлалъ критическаго анализа пороковъ и недостатковъ каждой профессіи²⁾. А почему никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона? Очень просто: потому, что не произошло такого случая, который навелъ бы людей на мысль о томъ, что надо ему послѣдовать. Нынѣшній порядокъ вещей, который самъ есть лишь исключеніе изъ общаго правила, лишь отклоненіе отъ истинной судьбы человѣчества, оказался гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ слѣдовало, благодаря „легкомыслию софистовъ, позабывшихъ, что имъ надо вдуматься въ общія цѣли Провидѣнія (oublièrent de spéculer sur l'universalité de la Providence), отыскать тотъ сводъ законовъ, который оно должно было составить для человѣческихъ отношеній“³⁾.

Послѣ этого читатель можетъ самъ судить, заключается ли въ приведенныхъ нами выше словахъ Энгельса хоть капля преувеличенія.

У другихъ великихъ утопистовъ вѣра въ историческое всемогущество случайности не такъ ярко выражена и, можетъ быть, не такъ велика, какъ у Фурье. Но до какой степени она сильна даже у самаго трезваго изъ нихъ, у Роберта Оуэна, показываетъ

тотъ простой фактъ, что онъ со своими социалистическими планами обращался къ сильнымъ міра сего, существенно заинтересованнымъ въ поддержаніи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Такое обращеніе очень плохо согласовалось со всѣмъ ученіемъ Р. Оуэна объ образованіи человѣческаго характера. По прямому и ясному смыслу этого ученія выходитъ, что сильные міра сего ни коимъ образомъ не могутъ взять на себя инициативу устраненія того самого общественнаго порядка, подъ влияніемъ котораго складываются ихъ собственные взгляды, и съ существованіемъ котораго тѣсно связаны ихъ насущнѣйшіе интересы. И тѣмъ не менѣе Робертъ Оуэнъ¹⁾ неустанно и заботливо, съ помощью подробныхъ расчетовъ, точныхъ плановъ и прекрасныхъ чертежей, объяснялъ европейскимъ монархамъ, въ чемъ состоитъ „рациональная“ общественная система. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ и всѣ социалисты-утописты, былъ роднымъ братомъ великихъ французскихъ просвѣтителей, у которыхъ (главнымъ образомъ у Гельвеція) онъ почти цѣликомъ заимствовалъ все ученіе объ образованіи человѣческаго характера, и которые, подобно ему, съ упорствомъ, вполне достойнымъ несравненно лучшей участи, объясняли коронованнымъ „законодателямъ“, какъ и чѣмъ можетъ быть обезпечено счастье человѣчества. Они краснорѣчиво громили „деспотовъ“ и они же упорно возлагали свои упованія на просвѣщенный деспотизмъ. Это противорѣчіе было въ глаза и, разумѣется, не ускользнуло отъ ихъ собственнаго вниманія. Всѣ они сознавали его одни съ большею, другіе съ меньшею ясностью и всѣ они утѣшали себя именно надеждой на случайность. Вообразите, что у васъ есть большая урна, въ которой находится очень много черныхъ шаровъ и два-три бѣлыхъ, и что вы вынимаете шаръ за шаромъ. Нечего и говорить, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ у васъ гораздо меньше шансовъ вынуть бѣлый шаръ, нежели черный. Но, повторивъ эту операцію достаточное число разъ, вы непременно вынете, наконецъ, и бѣлый. То же — и съ коронованными „законодателями“. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ гораздо больше шансовъ найти на престолѣ плохого „законодателя“, чѣмъ хорошаго. Но явится же, наконецъ, хорошій. Этотъ сдѣлаетъ все, что предписываетъ „философія“, и тогда восторжествуетъ разумъ.

Такъ смотрѣли французскіе просвѣтители, и этотъ, въ сущности глубоко пессимистическій взглядъ, равновѣсный признанію полной безпомощности ихъ „философіи“, находился въ тѣсной

¹⁾ Ibid. p. 17.

²⁾ Oeuvres complètes, t. 4, p. 121.

³⁾ Manuscrits de Fourier, p. 78.

¹⁾ См. на примѣръ, его сочиненіе „A Development of the Principles and Plans on which to establish self-supporting Home-colonies, etc., London, 1811, а также и особенно введеніе въ его автобіографію: The Life of Robert Owen, Written by himself. Vol. I. London, 1857.

причинной связи съ ихъ общимъ историческимъ воззрѣніемъ. Известно, что даже тѣ французскіе просвѣтители 18-го столѣтія, которые были убѣжденными материалистами, держались идеалистическаго взгляда на исторію. Коренной причиной историческаго движенія они считали развитіе знаній и вообще умственное развитіе человѣчества. И въ этомъ отношеніи съ ними совершенно сходились социалисты-утописты. Такъ, напр., Р. Оуэнъ говоритъ, что царствующее въ обществѣ зло порождается ошибочнымъ взглядомъ людей на образованіе человѣческаго характера, а этотъ ошибочный взглядъ съ своей стороны обуславливается тѣмъ, что люди не знаютъ своей собственной природы¹⁾. Сообразно съ этимъ и устраненія общественнаго зла надо было ожидать единственно отъ распространенія между людьми правильнаго пониманія ихъ природы. Р. Оуэнъ былъ непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что такое пониманіе непременно распространится между ними. „Человѣкъ созданъ для того, чтобы пріобрѣтать знанія посредствомъ опыта и счастье путемъ подчиненія законамъ своей собственной природы“, писалъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти²⁾. Но вѣдь опытъ и есть знаніе. Чѣмъ же обуславливается его, болѣе или менѣе быстрое, накопленіе? Почему въ теченіе одной исторической эпохи человѣчество пріобрѣтаетъ огромныя сокровища знанія, а въ теченіе другой, часто несравненно болѣе продолжительной, оно прибавляетъ къ ихъ старому запасу лишь совершенно ничтожныя крохи, а иногда теряетъ и самый запасъ? На этотъ вопросъ, въ высшей степени важный для научнаго объясненія историческихъ явленій, Оуэнъ не отвѣчалъ и не могъ отвѣтить. На него вообще не отвѣчаютъ и не могутъ отвѣтить люди, держащіеся идеалистическаго взгляда на исторію. И это понятно. Чтобы отвѣтить на него, имъ надо было бы объяснить, чѣмъ обуславливается умственное развитіе человѣчества, т. е., стало быть, взглянуть на это развитіе не какъ на коренную причину историческаго процесса, а какъ на слѣдствіе другой, глубже лежащей причины, что было бы равносильно признанію несостоятельности идеалистическаго пониманія исторіи. Тотъ, кто еще не пришелъ къ такому признанію, непременно долженъ отводить случайности очень широкое мѣсто въ своихъ объясненіяхъ историческихъ событій и въ своихъ со-

¹⁾ См. Neue Auffassung etc. SS. 65-66; впрочемъ, эта мысль повторяется рѣшительно во всѣхъ его сочиненіяхъ.

²⁾ См. чрезвычайно интересную его замѣтку, озаглавленную: On the absolute necessity, in the nature of things, for the attainment of Happiness, that the system of Falshood and Evil should precede the system of truth and Good“, въ приложеніи къ первому тому его автобіографіи, вышедшему въ видѣ отдѣльной книги, pp. XXX-XXXIII.

ображеніяхъ о будущемъ. Случайность объясняетъ ему все то чего онъ не можетъ объяснить сознательной дѣятельностью историческихъ лицъ. Смысла на нее представляетъ собой первый, безсознательный и невольный шагъ къ признанію того, что развитіе человѣческаго сознанія обуславливается причинами, отъ него независимыми. Вотъ почему просвѣтители 18-го столѣтія и социалисты-утописты такъ часто ссылались на случайность. „Четыре яблока“ Фурье также смѣшны теперь, какъ и наполненная шарами „урна“ французскихъ просвѣтителей. Но и „урна“, и „яблоки“ имѣли свое достаточное основаніе въ коренныхъ свойствахъ идеалистическаго взгляда на исторію, а политическіе и социальныя реформаторы и революціонеры, придерживавшіеся такого взгляда, должны были чаще другихъ обывателей апеллировать и къ „урнѣ“, и къ „яблокамъ“, и еще къ великому множеству всякихъ другихъ неожиданностей. Въ самомъ дѣлѣ, если историческій процессъ накопленія знаній обуславливается въ послѣднемъ счетѣ рядомъ случайныхъ явленій, не имѣющихъ необходимой связи съ ходомъ общественной жизни и съ развитіемъ общественныхъ отношеній, то всякій отдѣльный вкладъ въ общую сокровищницу знаній, каждое открытіе, дѣлаемое тѣмъ или другимъ мыслителемъ, — а въ томъ числѣ и авторомъ того или другого плана общественнаго переустройства, — неизбежно должно представляться подаркомъ случайности. Если-же отъ случайности зависитъ открытіе истины, то этой же „колоссальной и презрѣнной силѣ“ подчинено и ея распространеніе, ея болѣе или менѣе быстрое воплощеніе въ общественную жизнь. Отсюда — удивляющія насъ теперь заигрыванія просвѣтителей и социалистовъ-утопистовъ съ сильными міра сего. Практика соответствовала у нихъ теоріи, „искусство“ — „наукѣ“.

Правда, у социалистовъ-утопистовъ уже замѣчается подчасъ сильное недовольство теоріей, унаследованной ими отъ просвѣтителей, стремленіе выйти изъ узкаго круга идеализма и стать на болѣе реальную почву. Они стараются создать общественную науку. Отсюда всѣ ихъ „открытія“. Нѣкоторыя изъ этихъ открытій замѣчательны, въ полномъ смыслѣ этого слова. Они проливали чрезвычайно яркій свѣтъ на многія важнѣйшія стороны историческаго процесса, — напримѣръ, на роль борьбы классовъ въ новѣйшей исторіи западно-европейскихъ обществъ¹⁾, — и тѣмъ подготавливали научное объясненіе общественныхъ явленій. Но они именно только подготавливали его. Историческій идеализмъ, на точкѣ зрѣнія котораго стояли всѣ социалисты первой половины 19-го вѣка, очень затруднялъ окончательную выработку научнаго взгляда на общественную жизнь. Научному объясненію подда

¹⁾ См. наше предисловіе къ Манифесту Коммунистической Партіи.

ются только закономѣрные явленія; закономѣрность явленій предполагаетъ подчиненіе ихъ закону необходимости, а историческій идеализмъ рассматриваетъ историческое движеніе почти исключительно какъ продуктъ сознательной и, слѣдовательно, свободной дѣятельности людей. Пока не было устранено это противорѣчіе, научное объясненіе общественной жизни оставалось невозможнымъ. А социалисты того времени не только не разрѣшали этого противорѣчія, но не умѣли даже формулировать его съ надлежащей точностью, несмотря на то, что ясное сознание и точная формулировка его были уже даны нѣмецкой философій въ лицѣ Шеллинга.

Шеллингъ показалъ, что свобода человѣческихъ дѣйствій не только не исключаетъ необходимости, но напротивъ предполагаетъ ее, какъ свое условіе¹⁾. Эта глубокая мысль Шеллинга была основательно и подробно развита въ сочиненіяхъ Гегеля. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ она означаетъ, что дѣятельность человѣка можетъ быть рассматриваема съ двухъ сторонъ: во первыхъ, онъ выступаетъ передъ нами, какъ причина тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій. Поскольку человѣкъ сознаетъ себя такой причиной, постольку онъ полагаетъ, что отъ него зависитъ вызвать эти общественныя явленія или не вызывать ихъ. И постольку онъ считаетъ свою дѣятельность сознательной и свободной. Но человѣкъ, выступающій передъ нами въ качествѣ причины даннаго общественнаго явленія, можетъ и долженъ быть рассматриваемъ, съ другой стороны, какъ слѣдствіе тѣхъ общественныхъ явленій, которыя своимъ вліяніемъ опредѣлили складъ его характера и направленіе его воли. Рассматриваемый намъ слѣдствіе, общественный человѣкъ не можетъ считаться свободнымъ дѣятелемъ, потому что *не отъ его воли зависятъ тѣ обстоятельства, которыя опредѣляютъ собою движеніе его воли.* Стало быть, его дѣятельность представляется намъ, какъ подчиненная закону необходимости, т. е. какъ закономѣрная дѣятельность. Такимъ образомъ выходитъ, что свобода вовсе не исключаетъ необходимости. Знаніе этой истины очень важно потому, что она, — и только она, — открываетъ намъ путь къ научному объясненію общественной жизни. Мы уже знаемъ, что научному объясненію поддаются только тѣ явленія, которыя подчинены закону необходимости. Если бы общественный человѣкъ могъ быть извѣстенъ намъ лишь какъ причина общественныхъ явленій, то его дѣятельность была бы доступна нашему представленію лишь со стороны своей свободы, и потому она навсегда осталась бы недоступной для научнаго объясненія. Просвѣтителѣ 18-го и со-

¹⁾ System des transcendentalen Idealismus, Tübingen 1800, ss. 422 и слѣд. ср. Н. Бельтова: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, стр. 105 и слѣд.

ціалисты-утописты 19-го столѣтія — въ своихъ разсужденіяхъ объ исторіи, — смотрѣли на общественнаго человѣка только какъ на причину общественныхъ явленій. Это происходило потому, что они держались идеалистическаго взгляда на исторію: кто видитъ въ умственномъ развитіи самую глубокую причину историческаго движенія, тотъ принимаетъ въ соображеніе только сознательную дѣятельность людей, а сознательная дѣятельность и есть та дѣятельность, которую мы называемъ свободной¹⁾.

Необходимость не исключаетъ свободы. Мало того: сознательная и въ этомъ смыслѣ свободная дѣятельность людей возможна только потому, что ихъ дѣйствія необходимы. Это можетъ показаться парадоксомъ, но это неоспоримая истина. Если бы дѣйствія людей не были необходимы, то ихъ невозможно было бы предвидѣть, а тамъ, гдѣ невозможно никакое предвидѣніе, нѣтъ мѣста и для свободной дѣятельности въ смыслѣ сознательнаго вліянія на окружающую жизнь²⁾. Такимъ образомъ необходимость оказывается залогомъ свободы.

Все это хорошо выяснили еще великіе нѣмецкіе идеалисты, и поскольку они въ своихъ сужденіяхъ объ общественной жизни держались этой точки зрѣнія, постольку они стояли на твердой почвѣ науки. Но именно потому, что они были идеалистами, они не могли надлежащимъ образомъ воспользоваться своими собственными гениальными мыслями. Правда, ихъ философскій идеализмъ не былъ необходимо связанъ съ идеалистическимъ взглядомъ на исторію. Гегель замѣчаетъ въ своихъ „Ученіяхъ по философіи исторіи“, что хотя, конечно, разумъ правитъ міромъ, но онъ правитъ имъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ управляетъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, т. е. въ смыслѣ за-

¹⁾ „Необходимость, въ ея противоположности свободѣ, есть именно безсознательное“, справедливо говоритъ Шеллингъ. (L. cit., s. 424).

²⁾ „Я могъ бы предвидѣть ихъ (поступки моихъ согражданъ) только при томъ условіи, если бы я могъ рассматривать ихъ, какъ и всѣ другія явленія окружающаго меня міра, т. е. какъ необходимыя слѣдствія опредѣленныхъ причинъ, которыя уже извѣстны или могутъ быть извѣстны мнѣ. Иначе сказать, моя свобода не была бы пустымъ словомъ только въ томъ случаѣ, если бы ея сознаніе могло сопровождаться пониманіемъ причинъ, вызывающихъ свободные поступки моихъ ближнихъ, т. е. если бы я могъ рассматривать эти поступки со стороны ихъ необходимости. Совершенно то же могутъ сказать мои ближніе и о моихъ поступкахъ. А что это означаетъ? Это означаетъ, что возможность свободной (сознательной) исторической дѣятельности всякаго даннаго лица сводится къ нулю въ томъ случаѣ, если въ основѣ свободныхъ человѣческихъ поступковъ не лежитъ доступная пониманію дѣятеля необходимость. (Н. Бельтовъ, „Монистическій взглядъ на исторію“, стр. 106).

носообразности. Небесныя свѣтила движутся по опредѣленнымъ законамъ, но движеніе ихъ остается безсознательнымъ. Такъ же совершается, по Гегелю, и историческое движеніе человѣчества: оно подчинено извѣстнымъ законамъ, но люди не знаютъ этихъ законовъ, и потому можно сказать, что историческое движеніе безсознательно. Люди ошибаются, думая, что ихъ идеи служатъ главнымъ факторомъ историческаго движенія. Идеи всякой данной эпохи сами опредѣляются характеромъ этой эпохи. При томъ же сова Минервы вылетаетъ только ночью. Когда люди начинаютъ вдумываться въ свои собственные общественныя отношенія, тогда можно съ увѣренностью сказать, что эти отношенія уже отжили свое время и готовятся уступить мѣсто новому общественному порядку, истинный характеръ котораго выяснится людямъ только тогда, когда и ему придетъ пора сойти съ исторической сцены¹⁾.

Эти разсужденія Гегеля очень далеки отъ той наивной мысли — составляющей сущность идеалистическаго объясненія исторіи — что историческое движеніе обуславливается въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ идей, или, какъ выражались иногда французскіе просвѣтители, что міромъ правитъ „мнѣніе“. Въ этихъ разсужденіяхъ вѣрно указывается на крайній мѣръ то, чѣмъ нельзя объяснить историческое движеніе. Но въ нихъ нѣтъ, разумѣется, и указанія на ихъ истинную причину. Да его и не могло въ нихъ быть. Если Гегель былъ далекъ отъ наивнаго историческаго идеализма французскихъ просвѣтителей и социалистовъ-утопистовъ, то это нисколько не колебало идеалистической основы его системы, а эта основа не могла непомѣшавъ выработать въполнѣ научнаго объясненія общественно-историческаго процесса. По Гегелю, въ основѣ всего мирового развитія лежитъ развитіе абсолютной идеи. Развитіемъ этой идеи объясняется у него въ концѣ концовъ и вся человѣческая исторія. Но что такое эта абсолютная идея? Это, — какъ очень хорошо показалъ еще Фейербахъ²⁾, есть лишь *омыселъ творенный процессъ мышленія*. Выходитъ, что мировое развитіе вообще и историческое развитіе въ частности объясняется законами человѣческой мысли или, другими словами, что исторія объясняется логикой. До какой степени неудовлетворительно такое объясненіе, можно видѣть изъ многихъ сочиненій самого же Гегеля. Историческое движеніе только тогда и становится у него понятнымъ, когда оно объясняется не логикой, а развитіемъ общественныхъ, — и преимущественно экономическихъ, — отношеній. Такъ, когда онъ говоритъ, что Лакедемонъ налѣ главнымъ образомъ вслѣдствіе *экономическаго неравенства*, то это объясненіе очень понятно само по себѣ и въполнѣ соответствуетъ

выводамъ новѣйшей исторической науки. Но абсолютная идея тутъ рѣшительно не причѣтъ, и когда Гегель обращается къ ней для того, чтобы окончательно выяснитъ судьбы Греціи и Лакедемона, то онъ ровно ничего не прибавляетъ къ тому, что уже объяснено имъ указаніемъ на экономику.¹⁾

Гегель охотно повторялъ, что *идеализмъ обнаруживаетъ себя, какъ истина материализма*. Но его „*Философія исторіи*“ доказываетъ какъ разъ обратное. Изъ нея видно, что въ примѣненіи къ исторіи *материализмъ долженъ быть признанъ истиной идеализма*. Чтобы окончательно проложить прямой и вѣрный путь для научнаго объясненія общественно-историческаго процесса, изслѣдователи должны были распроститься со всѣми разновидностями идеализма и перейти на материалистическую точку зрѣнія. Это было сдѣлано Марксомъ и Энгельсомъ. Выработанное ими материалистическое пониманіе исторіи такъ характеризуется въ предлагаемой брошюрѣ:

„Материалистическое пониманіе исторіи зиждется на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій зависитъ отъ того, какъ и что производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты. Отсюда слѣдуетъ, что коренной причины социальныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна; другими словами — не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознание неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній, убѣжденіе въ томъ, что *Vernunft Uusinn, Wohthat Plage geworden* (что безумствомъ мудрость стала, зломъ — благое) служить лишь указаніемъ на то, что въ способахъ производства и обмѣна постепенно совершились измѣненія, настолько значительныя, что имъ не соответствуетъ болѣе общественный порядокъ, выкроенный по мѣрѣ старыхъ экономическихъ условій. Изъ сказаннаго ясно, что средства для устраненія зла должны заключаться, — въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, — въ самихъ измѣнившихся условіяхъ производства. Умъ человѣческій не можетъ *изобрести* эти средства; онъ долженъ *открыть* ихъ въ данныхъ материальныхъ явленіяхъ производства“.

Если пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній само является

¹⁾ Ср. Н. Вельтова, *L. cit.*, стр. 101.

²⁾ См. его „*Grundsätze der Philosophie der Zukunft*“, § 23.

¹⁾ Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей статьѣ „*Zu Hegel's sechzigstem Todestag*“, напечатанной въ „*Neue Zeit*“ за ноябрь 1891 года.

слѣдствіемъ общественно-экономическаго развитія, то ясно, что и въ сознательной дѣятельности людей, — которая обуславливается ихъ понятіями о разумѣ и о справедливости, — можетъ быть найдена извѣстная законосообразность. Такъ какъ эта ихъ дѣятельность опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ экономическихъ отношеній, то, выяснивъ себѣ направление экономическаго развитія общества, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность предвидѣть, въ какую сторону должна направиться сознательная дѣятельность его членовъ. Такимъ образомъ здѣсь, какъ у Шеллинга, свобода вытекаетъ изъ необходимости, а необходимость превращается въ свободу. Но между тѣмъ, какъ Шеллингъ, вслѣдствіе идеалистическаго характера своей философіи, не пошелъ дальше общихъ, — хотя и чрезвычайно глубокихъ, — соображеній на этотъ счетъ, матеріалистическое пониманіе исторіи позволяетъ намъ воспользоваться этими общими соображеніями для изслѣдованія „живой“ жизни, для научнаго объясненія всей дѣятельности общественнаго человѣка.

Давая возможность взглянуть на сознательную дѣятельность общественнаго человѣка съ точки зрѣнія ея необходимости, матеріалистическое пониманіе исторіи тѣмъ самымъ прокладываетъ социализму путь для перехода на научную почву. Въ приведенныхъ нами строкахъ Энгельсъ говоритъ, что средства для устраненія общественнаго зла не могутъ быть изобрѣтены, т. е. придуманы какимъ-нибудь гениальнымъ мыслителемъ, а должны быть открыты въ измѣнившихся экономическихъ отношеніяхъ данной эпохи. *Въ той самой мѣрѣ, въ какой возможно такое открытіе, возможно и научный социализмъ.* Мы имѣемъ, теперь стало быть, очень опредѣленный отвѣтъ на выдвинутый г. Бернштейномъ вопросъ о возможности научнаго социализма. Правда, самъ г. Бернштейнъ какъ будто даже и не подозреваетъ существованія подобнаго отвѣта. Но это только доказываетъ, что этотъ господинъ совсѣмъ не понималъ основы ученія тѣхъ самыхъ людей, послѣдователемъ которыхъ онъ называлъ себя въ продолженіе почти двадцати лѣтъ.

Придумать можно то, чего совсѣмъ нѣтъ; открыть можно только то, что уже существуетъ въ дѣйствительности. Что же значитъ, поэтому, открыть въ экономической дѣйствительности средства для устраненія современнаго зла? *Это значитъ показать, что само развитіе этой дѣйствительности уже создало и создаетъ экономическую основу будущаго общественнаго порядка.*

Утопическій социализмъ исходилъ изъ отвлеченныхъ принциповъ: научный социализмъ беретъ за точку отправленія объективный ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества.

Утопическій социализмъ охотно разрабатывалъ планы будущаго общественнаго устройства. Научный социализмъ, вопреки вышесказанному утвержденію г. Бернштейна, занимается не буду-

щимъ обществомъ, а опредѣленіемъ той тенденціи, которая свойственна уже теперь существующему общественному порядку. Онъ не *разрисовываетъ будущаго*; онъ изучаетъ *настоящее*. Яркій примѣръ: съ одной стороны — дѣлаемое Фурье изображеніе *будущей* жизни человѣчества въ фаланстерахъ; съ другой — дѣлаемый Марксомъ анализъ нынѣшняго капиталистическаго способа производства.

Если средства для устраненія нынѣшняго общественнаго зла не могутъ быть придуманы на основаніи общихъ соображеній о человѣческой природѣ, а должны быть открыты въ экономическихъ условіяхъ нашего времени, то ясно, что и открытіе ихъ не можетъ быть дѣломъ случая, независимымъ отъ указанныхъ условій. Нѣтъ, само это открытіе оказывается *закономѣрнымъ процессомъ*, доступнымъ научному изученію.

Основное положеніе матеріалистическаго объясненія исторіи гласитъ, что мышленіе людей опредѣляется ихъ бытіемъ или что въ процессѣ историческаго движенія ходъ развитія идей опредѣляется въ конечномъ счетѣ ходомъ развитія экономическихъ отношеній. Если это такъ, то ясно, что возникновеніе новыхъ экономическихъ отношеній необходимо должно вести за собою появленіе новыхъ идей, соответствующихъ измѣнившимся условіямъ жизни, и если тому или другому гениальному человѣку пришла въ голову та или другая новая социально-политическая идея; если онъ увидѣлъ, на примѣръ, несостоятельность стараго общественнаго порядка и необходимость замѣны его новымъ, то это произошло не „случайно“, — какъ представляли себѣ это дѣло социалисты-утописты, — а въ силу вполне понятной исторической необходимости. И точно также распространеніе этой социально-политической идеи, ея усвоеніе сторонниками гениальнаго человѣка вовсе не можетъ считаться случайнымъ: она распространяется потому, что соответствуетъ новымъ экономическимъ условіямъ, и распространяется какъ разъ въ томъ классѣ или въ томъ слое населенія, которое больше всѣхъ другихъ испытываетъ невыгоды устарѣлаго общественнаго порядка. Процессъ распространенія новой идеи оказывается тоже *закономѣрнымъ процессомъ*. А такъ какъ за распространеніемъ идеи, соответствующей новымъ экономическимъ отношеніямъ, должно рано или поздно слѣдовать ея осуществленіе, т. е. устраненіе стараго и торжество новаго общественнаго порядка, то значитъ весь ходъ общественнаго развитія, вся общественная эволюція — съ ея различными сторонами и со свѣдѣнными ей революціонными моментами, — представляется теперь подъ угломъ необходимости. И тутъ передъ нами ярко выступаетъ главная черта, отличающая научный социализмъ отъ утопическаго: послѣдователь научнаго социализма смотритъ на осуществленіе своего идеала, какъ на дѣло исторической необходимости, между тѣмъ, какъ утопистъ

возлагалъ свои упованія на случайность. Сообразно съ этимъ измѣняются приемы социалистической пропаганды; утописты дѣйствовали на удачу, вызывая сегодня къ просвѣщеннымъ монархамъ, завтра къ предприимчивымъ и жаднымъ до прибыли капиталистамъ, послѣзавтра къ безкорыстнымъ друзьямъ человечества ¹⁾ и т. д. Сторонники научнаго социализма имѣютъ стройную и послѣдательную программу, глубочайшую основу которой составляетъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Они не ожидаютъ сочувствія социализму ото всѣхъ классовъ общества, такъ какъ они знаютъ, что способность даннаго класса сочувствовать данной революціонной идеѣ опредѣляется его экономическимъ положеніемъ, и такъ какъ они видятъ, что изъ всѣхъ классовъ современнаго общества, только пролетаріатъ находится въ такомъ экономическомъ положеніи, которое роковымъ образомъ толкаетъ его на революціонную борьбу съ существующимъ общественнымъ порядкомъ. И здѣсь, — какъ и вездѣ, — они не удовлетворяются взглядомъ на дѣятельность общественнаго челоѣка, какъ на причину общественныхъ явленій; ихъ взоръ проникаетъ глубже и видитъ, что эта причина сама есть слѣдствіе экономическаго развитія. Здѣсь, — какъ и вездѣ, — они разсматриваютъ сознательную дѣятельность людей, съ точки зрѣнія ея необходимости.

„Если бы мы не имѣли лучшаго ручательства за предстоящій переворотъ въ нынѣшнемъ способѣ распредѣленія продуктовъ труда, — съ его вопиющими противоположностями нищеты и роскоши, голода и расточительности, — кромѣ сознанія того, что этотъ способъ несправедливъ и что справедливость должна же когда нибудь восторжествовать, то наше дѣло было бы плохо, и намъ пришлось бы ждать долго. Уже средневѣковые мистики, мечтавшіе о тысячелѣтнемъ царствѣ, сознавали несправедливость классовыхъ противоположностей. Томасъ Мюнцеръ громко высказалъ это сознаніе на порогѣ новѣйшей исторіи, триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тотъ же крикъ раздается и замираетъ во время буржуазной революціи въ Англіи и во Фран-

¹⁾ Le seul baume à notre servitude. c'est, de temps en temps un prince vertueux et éclairé; alors les malheureux oublient un moment leurs calamités“. Такъ разсуждалъ извѣстный Гриммъ въ XVIII вѣкѣ (цитировано у Дюкро, Les Encyclopédistes Paris 1900, p. 160) Всякій видитъ, что упованія Гримма и его единомышленниковъ дѣйствительно приурочивались къ случайности. Но мы уже знаемъ, что социалисты-утописты мало чѣмъ отличались въ этомъ отношеніи отъ провѣтителей 18-го вѣка. Правда, просвѣтителі уповали только на монарховъ, а социалисты-утописты ожидали чудесъ также отъ доброй воли простыхъ смертныхъ изъ числа имущихъ. Эта разница объясняется измѣнившимися общественными отношеніями, но она не устраняетъ кореннаго сходства обусловленнаго одинаковымъ взглядомъ на исторію.

ціи. Чѣмъ же объясняется, что этотъ крикъ о необходимости устраненія классовыхъ различій, до 1830 года не встрѣчавшій отклика въ работающей и страдающей массѣ, вызываетъ теперь тысячекратное эхо; что онъ передается изъ одной страны въ другую и притомъ въ той самой послѣдовательности и съ той самой интенсивностью, съ которой развивается въ этихъ странахъ крупная промышленность; что онъ въ продолженіе одного поколѣнія вызвалъ къ жизни такую могучую силу, которая можетъ сопротивляться всѣмъ соединившимся противъ нея общественнымъ силамъ и можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ? Тѣмъ, что современная крупная промышленность съ одной стороны создала въ лицѣ пролетаріата такой классъ, который впервые въ исторіи можетъ выставить требованіе уничтоженія не той или другой отдѣльной классовой организаціи, а классовъ вообще, и который находится въ такомъ положеніи, что непременно долженъ осуществить это требованіе подѣ страхомъ паденія до уровня китайскихъ кули. Съ другой же стороны та же крупная промышленность создала въ лицѣ буржуазіи такой классъ, который имѣетъ монополію всѣхъ производительныхъ и жизненныхъ средствъ, но въ каждомъ періодѣ спекуляціонной горячки и слѣдующаго за нею краха показываетъ, что онъ уже сталъ неспособенъ господствовать надъ переросшими его властью производительными силами, классъ подѣ руководствомъ котораго общество идетъ на встрѣчу своему разрушенію, какъ локомотивъ, съ которымъ не можетъ справиться машинистъ. Другими словами: тѣмъ, что какъ производительныя силы, созданныя современнымъ капиталистическимъ способомъ производства, такъ и имъ же обусловленная система распредѣленія благъ пришли въ жестокое противорѣчіе съ нимъ, и что поэтому въ способѣ производства и распредѣленія долженъ произойти переворотъ, если только современному обществу не предстоитъ окончательны погибнуть. Этотъ осязательный матеріальный фактъ, съ непреодолимой необходимостью отражающійся въ головахъ эксплуатируемыхъ пролетаріевъ въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ, этотъ фактъ, а не представленіе того или другаго кабинетнаго мыслителя о правѣ и о безправіи ручается за побѣду современнаго социализма“ ¹⁾

Такъ говорилъ Энгельсъ въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ. И въ этихъ его словахъ рѣзко сказывается уже хорошо знакомая намъ отличительная черта научнаго социализма: взглядъ на освободительное движеніе пролетаріата какъ на законмѣрный общественный процессъ, убѣжденіе въ томъ, что только необходимость можетъ обезпечить торжество свободы. ²⁾

¹⁾ Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, dritte Auflage, s.s 161—162.

²⁾ Когда нашъ Бѣлинскій, — въ первый періодъ своего увле-

Танъ говоритъ гдѣ то, что совершенная наука съ полной точностью воспроизводитъ въ понятіяхъ природу и послѣдовательность явленій. Такая наука можетъ дѣлать безошибочныя предсказанія относительно каждаго отдѣльнаго явленія. И нѣтъ ничего легче, какъ показать, что общественная наука не обладаетъ и не можетъ обладать такой точностью. Но научный социализмъ никогда и не представлялъ претензій на такую точность. Когда его противники выдвигаютъ противъ него, то соображеніе, что социологическое предвидѣніе невозможно, то они смѣшиваютъ два очень различныхъ понятія: понятіе о направленіи и объ общихъ результатахъ даннаго общественного процесса съ понятіемъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ (событіяхъ), изъ которыхъ составится этотъ процессъ. Социологическое предвидѣніе отличается и всегда будетъ отличаться очень малой точностью во всемъ томъ, что касается предсказанія отдѣльныхъ событій, между тѣмъ какъ оно обладаетъ уже значительной точностью тамъ, гдѣ надо опредѣлить общій характеръ и направленіе общественныхъ процессовъ. Возьмемъ примѣръ. Статистика показываетъ, что цифра смертности колеблется въ зависимости отъ временъ года. Зная ея колебаніе въ данной странѣ или въ данномъ мѣстѣ, не трудно предсказать, въ какой мѣрѣ увеличится или уменьшится число смертныхъ случаевъ при переходѣ изъ одного времени года въ другое. Тутъ рѣчь идетъ объ общемъ характерѣ и направленіи даннаго общественного процесса, и тутъ возможно очень точное предсказаніе. Но если бы мы пожелали узнать, въ какихъ именно отдѣльныхъ явленіяхъ выразится, скажемъ, увеличеніе смертности съ наступленіемъ осени; если бы мы поставили вопросъ о томъ, *какія именно лица не переживутъ осенняго времени и каковы именно будутъ конкретныя обстоятельства*, сопровождающія смерть этихъ лицъ, то на этотъ вопросъ мы не дождались бы отвѣта отъ общественной науки, и если бы мы все таки стали добывать его рѣшенія, то намъ пришлось бы обратиться къ какому нибудь магу или предсказателю. Другой примѣръ. Вообразите, что въ парламентѣ данной страны находятся представители отъ крупныхъ

ченія Гегелемъ, — рѣшительно отказался на нѣкоторое время отъ свободолюбивыхъ стремленій, онъ тѣмъ далъ поразительное и неопровержимое доказательство глубины своей теоретической мысли. Его отказъ отъ свободолюбивыхъ стремленій вызванъ былъ именно сознаніемъ того, что торжество свободы можетъ быть обезпечено лишь объективной необходимостью. Не видя въ русской дѣйствительности никакихъ указаній на объективную необходимость такого торжества, онъ отбрасывалъ всякую надежду на него, какъ *теоретически несостоятельную*. Впослѣдствіи онъ самъ говорилъ о себѣ, что онъ не сдумѣлъ „развить идею отрицанія“. Эта идея, въ ея примѣненіи къ буржуазному обществу, развита была основателями научнаго социализма.

землевладѣльцевъ доходъ которыхъ сильно понижается вслѣдствіе конкуренціи сосѣднихъ странъ; отъ промышленныхъ предпринимателей, сбывающихъ свои товары именно въ этихъ сосѣднихъ странахъ, и, наконецъ, отъ пролетаріевъ, живущихъ лишь продажей своей рабочей силы. Въ составленный такимъ образомъ парламентъ вносится предложеніе обложить высокой пошлиной хлѣбъ, ввозимый изъ-за границы. Какъ вы думаете, можетъ ли социологъ предсказать, какъ встрѣтятъ это предложеніе парламентскіе представители различныхъ общественныхъ классовъ? Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ социологъ, — и не только социологъ, человекъ науки, а всякій тотъ, кто не лишенъ политическаго опыта и здраваго смысла, — имѣетъ полную возможность сдѣлать безошибочное предсказаніе: „представители землевладѣльцевъ, скажетъ онъ, будутъ всѣми силами поддерживать указанное предложеніе; представители пролетаріата будутъ отвергать его столь же энергично, и въ этомъ отношеніи отъ нихъ не останутъ представители предпринимателей, если только представители землевладѣнія не купятъ ихъ согласія какой-нибудь серьезной экономической уступкой въ какой-нибудь другой области“. Это предсказаніе будетъ сдѣлано на основаніи анализа экономическихъ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ и оно дѣйствительно будетъ имѣть — по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оно относится къ землевладѣльцамъ и къ пролетаріямъ, — опредѣленность и точность математическаго вывода. Далѣе, — зная число голосовъ, какимъ располагаетъ каждый изъ представленныхъ въ парламентъ классовъ, нашъ социологъ легко и безошибочно предскажетъ судьбу интересующаго насъ предложенія. Здѣсь его предсказаніе опять можетъ имѣть очень большую степень точности и достовѣрности. Но если вы, не довольствуясь знаніемъ общаго характера и направленія даннаго общественного процесса, — процесса борьбы, вызванной даннымъ предложеніемъ, — захотите напередъ опредѣлить, кто именно возьметъ слово по поводу этого законопроекта и какія именно парламентскія сцены будутъ вызваны рѣчами будущихъ ораторовъ, то социологъ отвѣтитъ вамъ уже не научнымъ предвидѣніемъ, а болѣе или менѣе остроумными догадками, и если вамъ этого будетъ мало, то вамъ опять придется обратиться къ магіи. Третій примѣръ. Если вы возьмете сочиненія французскихъ просвѣтителей 18-вѣка, — скажемъ хоть Гольбаха, — то вы найдете въ нихъ *всю социальную программу великой французской революціи*. Но вы не встрѣтите въ нихъ ни одного предсказанія относительно тѣхъ историческихъ событій, изъ которыхъ составилась впослѣдствіи процессъ осуществленія требованій, выставленныхъ французскими просвѣтителями во имя всего третьяго сословія. Откуда эта разниа? Понятно — откуда: иное дѣло характеръ и направленіе даннаго общественного процесса, а иное дѣло тѣ отдѣльныя событія, изъ совокупности ко-

тыхъ оно составляется. Если я понялъ его характеръ и направление, то я могу предсказать его исходъ; но какъ бы ни было глубоко мое пониманіе этого процесса, оно не дастъ мнѣ возможности предсказывать отдѣльные событія въ ихъ индивидуальности. Когда говорятъ, что социологическое предвидѣніе невозможно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно затруднительно, то почти всегда имѣютъ въ виду невозможность предвидѣнія отдѣльныхъ событий, совершенно забывая о томъ, что такое предвидѣніе вообще и не есть дѣло социолога. Социологическое предвидѣніе имѣетъ своимъ предметомъ не отдѣльные событія, а *общіе результаты того общественнаго процесса, который — какъ, напримеръ, процессъ развитія буржуазнаго общества, — уже совершается въ данное время*. Что эти общіе результаты могутъ быть опредѣлены заранее, это хорошо показываетъ вышеприведенный примѣръ французской революціи, вся социальная программа которой была формулирована, какъ мы сказали, передовыми литературными представителями буржуазіи ¹⁾.

Научный социализмъ говоритъ, во первыхъ, что торжество социалистическихъ идеаловъ предполагаетъ, какъ свое необходимое условіе, извѣстный, независящій отъ воли социалистовъ ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества; во вторыхъ, что это необходимое условіе находится теперь на лицо и обуславливается характеромъ и развитіемъ свойственныхъ этому обществу производственныхъ отношеній; въ третьихъ, что само распространеніе социалистическихъ идеаловъ въ рабочемъ классѣ современныхъ капиталистическихъ странъ вызывается экономическимъ строемъ и развитіемъ этихъ странъ. Такова общая мысль научнаго социализма. И эта общая мысль ни мало не опровергается тѣмъ вполне правильнымъ соображеніемъ, что социолога никогда не будетъ наукой совершенной въ вышеуказанномъ, *тэновскомъ* смыслѣ этого слова. Ну, и пусть ее не будетъ! Что же изъ этого? Хотя социологія и не совершенная наука, а общая мысль научнаго социализма всетаки неоспорима, а потому и сомнѣніе въ возможности такого социализма все таки неосновательно.

Въ спорахъ о невозможности научнаго социализма теоретики буржуазіи и „критики“ Маркса нерѣдко выдвигаютъ также нижеслѣдующій доводъ. „Если возможенъ научный социализмъ, говорятъ

¹⁾ Въ своей недавно вышедшей книгѣ „Les classes sociales, analyse de la vie sociale“ парижскій профессоръ Бозаръ (Bauer) высказываетъ аналогичный взглядъ на социологическое предвидѣніе. Его книга интересна во многихъ отношеніяхъ. Жаль только, что почтенный профессоръ очень плохо знакомъ съ исторіей развиваемаго имъ взгляда. Ему, повидному, и въ голову не приходитъ, что въ числѣ своихъ „предшественниковъ“ онъ долженъ считать философовъ Шеллинга и Гегеля и социалстовъ Маркса и Энгельса.

они то стало быть возможна и буржуазная общественная наука, а это — противорѣчивая бессмыслица, потому что наука не можетъ быть ни социалистической, ни буржуазной. Наука — одна: буржуазная политическая экономія также немислима, какъ и социалистическая математика“.

Этотъ доводъ тоже основывается на смѣшеніи понятій. Математика не можетъ быть ни социалистической, ни буржуазной; это вѣрно; но что вѣрно въ примѣненіи къ математикѣ, то ошибочно въ примѣненіи къ общественной наукѣ.

Чему равняется сумма квадратовъ катетовъ? Квадрату гипотенузы. Такъ ли это? Такъ. Всегда ли это такъ? Всегда такъ! Отношеніе квадрата гипотенузы къ суммѣ квадратовъ катетовъ не можетъ измѣниться, потому что свойства математическихъ фигуръ неизмѣнны. А что мы видимъ въ социологіи? Остается ли неизмѣннымъ предметъ ея изслѣдованія? Нѣтъ, не остается. Предметомъ социологическаго изслѣдованія является общество, а общество развивается, и, слѣдовательно, измѣняется. Вотъ этимъ-то измѣненіемъ, этимъ развитіемъ и создается возможность буржуазной общественной науки, равно какъ и научнаго социализма. Общество проходитъ въ своемъ развитіи *извѣстныя фазы, которымъ соответствуютъ фазы развитія общественной науки*. То, что мы называемъ, напримеръ, буржуазной экономіей, есть одна фаза развитія экономической науки; то, что мы называемъ социалистической экономіей, есть другая фаза ея развитія, непосредственно слѣдующая за нею. Что же тутъ удивительнаго? Гдѣ же тутъ противорѣчивая бессмыслица?

Было бы ошибочно думать, что буржуазная экономія состоитъ изъ однихъ заблужденій. Вовсе нѣтъ! Поскольку буржуазная экономія соответствуетъ опредѣленной фазѣ общественнаго развитія, постольку она заключаетъ въ себѣ неоспоримую научную истину ¹⁾. Но эта истина относительна именно потому, что она соответствуетъ *только извѣстному фазису общественнаго развитія*. А теоретики буржуазіи, воображающіе, что общество навсегда должно остаться въ своей буржуазной фазѣ, приписываютъ своимъ относительнымъ истинамъ абсолютное значеніе. Въ этомъ и заключается ихъ коренная ошибка, исправляемая научнымъ социализмомъ, появленіе котораго вызвано было тѣмъ, что буржуазная эпоха общественнаго развитія начала приближаться къ своему концу. Научный социализмъ — это та самая сова Минервы, о которой говоритъ Гегель и которая, по его словамъ, вылетаетъ только

¹⁾ И вотъ почему классовая буржуазная точка зрѣнія изслѣдователей не только не мѣшала въ свое время прогрессу науки, но была его необходимымъ условіемъ. Въ предисловіи къ Манифесту Коммунистической Партіи мы показали это на примѣрѣ французскихъ буржуазныхъ историковъ временъ реставраціи.

тогда, когда закатывается солнце существующего, — въ данномъ случаѣ, капиталистическаго, общественнаго порядка. Еще разъ, гдѣ же тутъ противорѣчіе? Гдѣ бессмыслица? Тутъ не только нѣтъ ни противорѣчія, ни бессмыслицы, но тутъ впервые получается возможность *взглянуть на самый процессъ развитія науки, какъ на законоптрный процессъ*.

Но какъ бы тамъ ни было, а главная отличительная черта научнаго социализма опредѣлилась для насъ теперь съ полною ясностью. Его сторонники не довольствуются надеждой на то, что социалистическіе идеалы, благодаря своему возвышенному характеру, привлекутъ къ себѣ всеобщую симпатію и потому восторжествуютъ. Нѣтъ, имъ нужна увѣренность въ томъ, что самое это привлеченіе всеобщей симпатіи социалистическими идеалами есть *необходимый общественный процессъ*, и эту увѣренность они черпаютъ изъ анализа современныхъ экономическихъ отношеній и хода ихъ развитія¹⁾. Защитники существующаго общественного порядка очень хорошо чувствуютъ, хотя и не всегда ясно сознаютъ, что эта главная отличительная черта составляетъ и главную силу социалистической теоріи. Поэтому ихъ „критика“ направляется именно въ эту сторону. Они начинаютъ обыкновенно съ разсужденій о томъ, что нельзя видѣть въ экономикѣ главную пружину общественнаго развитія, такъ какъ человѣкъ состоитъ не изъ одного желудка и такъ какъ у него есть душа, сердце и другія нетлѣнные сокровища. Но эти сантиментальныя разсужденія, свидѣтельствующія о полной неспособности нынѣшнихъ теоретиковъ буржуазіи понять, въ чемъ заключается главнѣйшая, основная задача общественной науки, играютъ у нихъ роль вспомогательнаго отряда. Главныя же силы ихъ аргументаціи сосредоточиваются на вопросѣ о направленіи современнаго экономическаго развитія. Здѣсь они стараются опровергнуть одно за другимъ всѣ положенія научнаго социализма²⁾. И хотя ихъ

старанія ни къ чему не приводятъ, но они постоянно возобновляютъ свои нападенія и не могутъ не возобновлять ихъ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о самомъ существованіи дорогаго имъ общественнаго порядка. Они сознаютъ, что если экономическое развитіе въ самомъ дѣлѣ идетъ такъ, какъ говорятъ послѣдователи научнаго социализма, то социальная революція неизбежна. А это сознание *равносильно признанію возможности научнаго социализма*.

Мы указали одну отличительную черту научнаго социализма. Въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ Энгельсъ указываетъ другую. Онъ говоритъ, что этотъ социализмъ получилъ свое начало лишь со времени открытія природы и происхожденія прибавочной стоимости, и что весь онъ „группируется“ вокругъ этого открытія. Читатель понимаетъ, въ какомъ смыслѣ это сказано. Такъ какъ цѣлью социалистическаго движенія является устраненіе эксплуатаціи одного общественнаго класса другимъ, — пролетаріата буржуазіей, — то научный социализмъ сталъ возможенъ только съ тѣхъ поръ, когда наукѣ удалось опредѣлить природу классовой эксплуатаціи вообще, а въ частности тотъ видъ, который она принимаетъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Пока это не было сдѣлано, социализмъ не могъ выйти изъ области болѣе или менѣе смутныхъ стремленій, и въ его критикѣ существующаго порядка вещей недоставало главнаго: пониманія того, гдѣ находится экономическій центръ тяжести этого порядка. Открытіе прибавочной цѣнности дало ему такое пониманіе. Какъ велико значеніе этого открытія, показываетъ уже одно то обстоятельство, что защитники существующаго порядка вещей всѣми силами стараются опровергнуть его истинность. Теорія предѣльной полезности встрѣчаетъ теперь чрезвычайно радужный пріемъ со стороны буржуазныхъ экономистовъ именно потому, что она покрываетъ густымъ туманомъ вопросъ объ эксплуатаціи работника капиталистомъ и даже дѣлаетъ весьма сомнительнымъ самый фактъ такой эксплуатаціи³⁾. Въ этомъ весь „научный“ смыслъ этой безпредѣльно бесполезной теоріи.

¹⁾ Когда вышелъ англійскій переводъ книги Вебъ-Баверка „Positive Theorie des Kapitals“, крупнѣйшій органъ англійской буржуазіи, „The Times“, привѣтствовалъ его, какъ „лучшее противоядіе противъ теоріи эксплуатаціи“ (Exploitation theories of the marxist school). Буржуазный общественный порядокъ клонится къ упадку. Параллельно съ этимъ совершается и паденіе буржуазной науки. Защищая буржуазныя общественныя отношенія, теоретики буржуазіи понижаются до уровня софистовъ низшей пробы. Замѣтимъ при этомъ вотъ что. Когда Энгельсъ говоритъ, что Марксъ *открылъ* прибавочную стоимость, то это вовсе не значитъ, что, по его мнѣнію, до Маркса ни одинъ экономистъ не имѣлъ о ней никакого представленія. Нѣтъ, самъ

¹⁾ Нѣкоторые писатели, — напримѣръ Штаммлеръ, — замѣчаютъ, что если торжество социализма есть историческая необходимость, то практическая дѣятельность социаль-демократіи совершенно излишня. Зачѣмъ содѣйствовать возникновенію такого явленія, которое и безъ того непременно наступитъ? Но это жалкій и смѣшной софизмъ. Разсматривая историческое развитіе съ точки зрѣнія необходимости, социальная демократія и на свою собственную дѣятельность смотритъ какъ на необходимое звено въ цѣпн тѣхъ необходимыхъ условій, совокупность которыхъ дѣлаетъ неизбежнымъ торжество социализма. Необходимое звено не можетъ быть излишнимъ: его устраненіе разорвало бы всю цѣпь событій. Логическая слабость этого софизма ясна для того, кто понялъ сказанное нами выше о свободѣ и необходимости.

²⁾ Объ этомъ см. нашу статью „Критика нашихъ критиковъ“, напечатанную во 2-3-книжкѣ „Зари“.

Но какъ ни важно было открытіе прибавочной стоимости въ исторіи социализма, научный социализмъ все-таки оставался бы невозможнымъ, если бы устраненіе буржуазныхъ производственныхъ отношеній, — а слѣдовательно и эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей, — не было понято, какъ историческая необходимость, обуславливаемая всѣмъ ходомъ современнаго экономическаго развитія.

Еще два слова. Въ одномъ изъ приложений къ этой брошюрѣ печатается въ этомъ изданіи, какъ и въ предыдущихъ, три главы изъ знаменитой книги *„Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft“*, посвященные критикѣ дюринговой „теоріи насилія“. Въ этихъ главахъ содержится, между прочимъ, очеркъ исторіи военнаго искусства въ цивилизованныхъ государствахъ новаго времени, а также анализъ причинной связи развитія этого искусства съ экономическимъ развитіемъ общества. Людямъ, склоннымъ къ эклектизму, эти главы могутъ показаться „одно-сторонними“. Нельзя же все объяснять экономіей“, скажутъ такіе люди. Поэтому мы считаемъ полезнымъ обратить ихъ вниманіе на одну книгу, обязанную своимъ происхожденіемъ *специалистамъ* военнаго дѣла и озаглавленную: *„Les maîtres de la guerre. Frédéric II — Napoléon — Moltke. Essai critique d'après des travaux inédits de M. le général Bonnal par le lieutenant-colonel Roussel, professeur à l'école supérieure de la guerre“*. Эта интересная книга посвящена тому же самому предмету, какой разсматривается Энгельсомъ въ указанныхъ главахъ, и она приходитъ почти совершенно къ тѣмъ же выводамъ. „Соціальное состояніе каждой данной исторической эпохи, — читаемъ мы въ ней на страницѣ 4-ой, — имѣетъ преобладающее вліяніе не только на военный организмъ націи, но еще и на характеръ, на способности и на стремленія военныхъ людей. Обыкновенные генералы пользуются обычными методами, употребляютъ въ дѣло обычные средства и побуждаютъ или терпятъ пораженія, смотря по тому, благоприятны или неблагоприятны для нихъ внѣшнія обстоятельства... Что же касается великихъ полководцевъ, то они подчиняютъ своему генію средства и приемы борьбы или,

Марксъ замѣчаетъ въ своей книгѣ *„zur Kritik der Politischen Oekonomie“*, что еще фیزیократы старались опредѣлять, какая именно отрасль производства создаетъ прибавочную стоимость. И тотъ же Марксъ собралъ много чрезвычайно цѣннаго матеріала для исторіи ученій о прибавочной стоимости. Часть этого матеріала только что издана теперь Каутскимъ въ видѣ особой книги. Марксъ открылъ прибавочную стоимость въ томъ смыслѣ, что длинная исторія ученій объ этой стоимости нашла въ его экономической теоріи свое окончательное завершеніе, избавленное отъ всѣхъ неясностей и противорѣчій.

Примѣчаніе добавленное при новомъ (4-омъ) изданіи.

точно, они, — руководствуясь чѣмъ-то въ родѣ инстинктивной догадки, — преобразуютъ и средства, и приемы сообразно параллельнымъ законамъ соціальной эволюціи, рѣшительное вліяніе которой на технику военнаго искусства оцѣнивается ими одними“. Это очень не далеко отъ матеріалистическаго объясненія исторіи, хотя авторъ цитируемой книги, навѣрное, не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія: вѣдь если развитіе военнаго искусства опредѣляется социальнымъ развитіемъ, а социальное развитіе — экономическимъ, то выходитъ, что техника военнаго дѣла и даже не одна только эта техника, но также „характеръ, способности и стремленія военныхъ людей“ обуславливаются въ послѣднемъ счетѣ экономическимъ развитіемъ. И этотъ выводъ, поражающій своей „односторонностью“ многихъ и многихъ „интеллигентовъ“ всякихъ національностей, врядъ-ли испугалъ бы нашего военнаго автора, который, признавая, что развитіе военной техники обуславливается социальнымъ развитіемъ, признаетъ въ то же время, что это развитіе въ свою очередь обуславливается „прогрессомъ наукъ, искусствъ и промышленности“ (стр. 2). Если онъ не лишенъ способности къ послѣдовательному мышленію, — а онъ, повидимому, вовсе не лишенъ ея, — то ему очень легко было бы понять ту историческую теорію, по которой социальное развитіе совершается на основѣ экономическаго, а экономическое опредѣляется ходомъ развитія производительныхъ силъ.

Историческій очеркъ военнаго искусства, сдѣланный тѣмъ же авторомъ на основаніи неизданныхъ работъ генерала Бонналя, чрезвычайно напоминаетъ тотъ очеркъ, который мы находимъ у Энгельса. Мѣстами сходство такъ велико, что можно было бы предположить заимствованіе, если бы самая мысль о немъ не исключалась очень простымъ хронологическимъ соображеніемъ: Анти-Дюрингъ Энгельса вышелъ за 23 года до появленія книги подполковника Русса. Почти столь же несостоятельно было бы и обратное предположеніе о томъ, что Руссѣ (или генералъ Бонналь) заимствовалъ у Энгельса: можно поручиться, что сочиненія великаго нѣмецкаго социалиста совершенно неизвѣстны этимъ ученымъ французскимъ офицерамъ. Дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что Энгельсъ былъ хорошимъ знатокомъ военнаго дѣла и послѣдовательнымъ мыслителемъ, умѣвшимъ приложить основныя положенія своей исторической теоріи къ изученію самыхъ различныхъ сторонъ общественной жизни. Руководимый этими основными положеніями, онъ ясно увидѣлъ то, что, по словамъ подполковника Русса, видѣли лишь геніальные полководцы: рѣшительное вліяніе соціальной эволюціи на технику войны. Этотъ частный случай убѣдительно показываетъ, что, будучи правильно понято, матеріалистическое объясненіе исторіи не только не ведетъ къ „односторонности“, но какъ нельзя болѣе расширяетъ и обостряетъ взглядъ изслѣдователя.

Хотѣли мы было поговорить здѣсь еще о *діалектикѣ въ ея отношеніи къ формальной логикѣ*. Но недостатокъ мѣста вынуждаетъ насъ отложить это намѣреніе до другого, болѣе удобнаго времени. А что намѣреніе это полезно исполнить, видно изъ тѣхъ совершенно неясныхъ представленій о діалектикѣ, которыми слишкомъ часто довольствуются даже ортодоксальные марксисты. Надо признать, что въ полемикѣ, вызванной „критическими“ усиліями г. Бернштейна и компаніи, большинство ортодоксальныхъ марксистовъ оказалось наименѣе сильнымъ именно въ защитѣ діалектики. Этотъ недостатокъ долженъ быть устраненъ; мы обязаны рѣшительно отразить всѣ нападенія нашихъ враговъ на нашу логическую твердыню.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.